

— Если мне память не изменяет, еще на Президиуме кажется Подгорный Брежнев предложил. Почему так думаю? Об этом не написали нигде. А вам могу сказать, на пленуме еще возник вопрос о том, чтобы ввести должность второго секретаря ЦК. С таким предложением выступил Лесечко, заместитель Председателя Совмина СССР. Он предложил кандидатуру Подгорного. У Лесечко с Подгорным были братские отношения. И, видимо, был разговор с Подгорным, но об этом я только догадываюсь: иначе такая самодельность непонятна. Но это предложение было отвергнуто.

Вам-то известно, что я Брежнев знал хорошо, бывал с ним и на охоте, и на хоккее, и на футболе, бывал у него и дома. Знаю много о нем с разных сторон. И скажу, что некоторые качества у него были выдающиеся. Если бы присваивали партийным руководителям

готовили доклад на XXIV съезде партии. Я был поражен: самых основных произведений Ленина, особенно “Заветы Ленина”, он не знал. Я уже не говорю об общеобразовательной подготовке. И литературные произведения не читал. Бывало придет на Президиум: “Мы вчера лежали с Викторией Петровной и читали. Вот этот номер “Крокодила” оказался нам интересным”... И начинает о “Крокодиле”. Он, кроме “Крокодила”, ничего не читал.

Да и режим работы у него был странный. Скажем, в Завидово в течение месяца: завтрак около половины одиннадцатого, в одиннадцать. В половине двенадцатого садился читать ему материал. Длилось все это часа полтора, потом перерыв, после этого обед, после обеда он два часа спал, наглотавшись таблеток, потом вставал, пил чай, уезжал на охоту, в девять — десять часов вечера возвращался с охоты. “Ну что, пойдем киношку посмотрим”. И до двух ночи смотрел кино.

— Уважаемые люди из окружения как-то возвышались и генсека. Свет от других падал на Брежнева. А вы же все, за малым исключением, молчали и поддакивали. Правда, скоро началась смена поколений, пришли новые: Алиев, Черненко, Шеварднадзе.

— Валерий Иванович, не совсем так. Я вам скажу, что далеко не все молчали. Косыгин часто возражал. Что касается меня, то я вам приведу три примера, только вы поймите все правильно.

Один раз я выступил на Политбюро и поставил вопрос, нужна ли рядовым членам Политбюро охрана. Когда меня избрали членом Политбюро, я отказался от охраны и примерно месяц ездил и ходил без сопровождения. Брежневу, видимо, об этом доложили. И вдруг он на Политбюро ставит этот вопрос: “Почему Шелепин отказался от охраны? Кому он не доверяет?” Вызвали Семичастного: “Почему вы нарушаете решение Политбюро? Почему Шеле-

1964 года я был избран в состав Политбюро, а в апреле 1967 года, то есть через два года, уже отправлен в ВЦСПС. Когда в профсоюзы перешел, то я и не на все заседания Политбюро приглашался, со мной перестали советовать и мало считались. А те вопросы, которые я ставил, оставались без поддержки.

— То есть он был еще мстителен и злопамятен?

— Очень. Он ничего не прощал, он ничего не забывал. Один раз во время работы в Завидово он вдруг предлагает: “Поедем в Москву съездим”. Поехали. В “Мерседес” посадил меня впереди, сам — за баранку. Охране: “Давайте вы на другой машине”. И вот ведет машину. Я буду говорить так, как он говорил. В общем, он начал давать характеристики некоторым людям. “Вот Сулов, это же дерьмо. Что ни поручишь — ничего сам не делает. У него только одно: надо создать комиссию, поручить комиссии. По нему часы можно прове-

КАК ЭТО БЫЛО ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.Н. ШЕЛЕПИНА

звания народного артиста или Героя сцены, я бы ему такого Героя присвоил не пять, а десять раз. Он настолько умел расположить к себе любого человека, что диву даешься. Это поразительная способность. Умел вовремя заплакать, вовремя улыбнуться. И почти всю жизнь занимал высокие посты — не случайная фигура в партии.

— И песню умел спеть вовремя?

— Песню — обязательно. Или рассказывает: мы ехали с девушкой, я ее полюбил, читал ей стихи. И минут пятнадцать читает стихи. В общем, в этом отношении он был на редкость способным.

— Об участии Брежнева в аресте Берии говорится как-то глухо. С чем это связано, почему нигде не раскрывается его роль? Ведь он был в то время руководителем крупного масштаба.

— Не знаю истинных причин такой “скромности”. И вообще здесь многое не ясно. В 1952 году на XIX съезде КПСС его избрали членом ЦК и кандидатом в члены Президиума. Это высокое положение в партии, хотя в то время кроме большого Президиума была и узкая группа членов Бюро. После смерти Сталина в марте 1953 года ему подобрили странную должность — начальника Политуправления Военно-морских сил. Такой структуры тогда вообще не было: существовало Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Вот в этом качестве Брежнев как генерал и был привлечен к аресту Берии. Но роль его была номинальна. Он стоял в охране комнаты в Кремле, где содержался некоторое время Берия. Так что хвалиться Брежневу нечем. Мало кто знает, чем он вообще занимался до февраля 1954 года.

— А как вы смотрите на избрание Брежнева генсеком?

— Тогда других кандидатур никто не выдвигал. Случайный он был человек или нет? Все-таки если взять его послужной список, то он не случаен — секретарь обкома, секретарь ЦК Молдавии, второй, первый секретарь ЦК Казахстана, секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Кстати, на целую я несколько раз ездил. Пономаренко там еще был первым секретарем, а он — вторым. И я ни разу с ним не встречался. Поедешь по областям, помотаешься, приедешь к Пономаренко, начинаешь ему говорить о проблемах. Он вынимает блокнот, все записывает. Через сутки проверяешь, он уже дал команду, все решается. А Брежнев даже ни разу меня не принял. Да и самому идти к нему не хотелось.

И теоретически был он малограмотным. Ленина, видимо, не читал. Даже основополагающих работ его не знал. В этом я убедился, например, когда работали в Завидово. Он меня пригласил. Сидели там больше месяца,

Когда читали материал, я убедился, что никакие идеи, предложения, мысли у Брежнева не возникали — не помню этого. Единственное, что он говорил: “Это слово, может быть, заменить на другое”. Вот вся его роль в подготовке доклада к съезду.

Конечно, если бы знать, что такой человек придет на первую роль, я уверен, никто бы на это не пошел. Мое личное мнение: из того руководства сильнее Косыгина никого не было. Но мы недооценили его, сочтя производственным.

— Человек он, насколько я знаю, Александр Николаевич, был уважаемый в народе. Хотя печать особенно не смела его хвалить.

— Согласен, человек он был уважаемый и в партии, и в народе, и среди многих руководителей, лидеров иных стран. А Брежнев настраивал членов Политбюро против него. Как так можно? Например, Брежнев звонит мне домой в воскресенье: “Слушай, Саша, завтра мы будем обсуждать такой-то вопрос. Я тебя прошу, ты поддай этому Алексею”. О том же самом он просил Мазурова и Кулакова. Это то, что знаю я. “Надо купить вот это”, — часто говорил Брежнев. Косыгин отвечает: “Леонид Ильич, у нас нет денег”. “Алеша: ты умный человек, ты найдешь валюту”.

— А когда началась заметная деградация Брежнева?

— Я думаю, что года два он все-таки держался. Может быть, полтора. Брежнев в ту пору серьезно интересовался делами, надо отдать должное, прилично вел себя по отношению к товарищам, старался решать вопросы как-то коллегиально. А года через два все покатило под гору, пошло по-другому. В общем, стало ясно, что это далеко не та личность, о которой многие мечтали.

— Но ведь что удивительно, Александр Николаевич! У коммунистов, не знающих всей кухни, возникал и такой вопрос: “Хорошо, в Брежневе мы ошиблись, проглядели недалекого человека”. Говорить он не мог, в последнее время в его речах появилась какая-то бессвязность. Но как же его окружение? Я знал многих: и Косыгина, и вас, и других секретарей, и членов Политбюро. С известным уважением относился, допустим, к Полянскому.

— А вы знаете его кличку? Остап Бендер. Между собой мы так его называли. Он утром начинал работу с телефонных звонков. В течение часа всех обзвонит, узнает, где и что нового. Допустим, сегодня было заседание Президиума Верховного Совета, награждали вас, дали вам орден Ленина. Он первый звонит: “Я тебя хочу поздравить. Вчера награждали. Тебе орден Трудового Красного Знамени хотели дать. Но я выступал несколько раз, прислушались и дали тебе все-таки орден Ленина”.

пин без охраны ходит?” А я тогда сказал, что охрана мне не нужна. Я за то, чтобы охранять первых двух лиц, вернее тройку, возглавляющую ЦК, Верховный Совет, Совмин, а всех остальных охранять не надо. Сулов вскочил: “Вы хотите быть белой вороной среди нас?!” Его это взбесило.

Теперь второе. Во время демонстрации мы стоим на Мавзолее. Мне стыдно — люди несут портреты, иногда толком не зная чьи. На одном из заседаний Политбюро я и сказал: “Товарищи, не знаю, как вам, а мне, когда я стою на трибуне, стыдно, когда несут портреты членов Политбюро. Я предлагаю портреты не вывешивать и не носить”. Опять первым вскочил Сулов: “Это нарушение традиций! Это подрыв авторитета партии!” Как начал окать — хоть всех святых выноси. А Брежнев его поддерживал.

И наконец, третье, наиболее существенное. Собрали как-то расширенное заседание Политбюро с участием всех первых секретарей ЦК компартий союзных республик и человек пятнадцати секретарей обкомов и крайкомов из Российской Федерации. Обсуждался вопрос о крупных животноводческих комплексах. Я очень тщательно подготовился к этому заседанию. Возможность такая у меня была, потому что я занимал сразу три поста в партии: и секретарь ЦК, и заместитель председателя Совмина СССР, и Председатель Комитета партийно-государственного контроля. В общем аппарат мне помог квалифицированно подготовиться. Я выступил и раскрыл истинное положение у нас в сельском хозяйстве. Привел цифры, раскритиковал Старовского из ЦСУ, секретаря обкома, который подтасовывал и давал искаженные цифры.

В общем, я сказал, что за животноводческие комплексы, но нельзя допустить поспешной ликвидации мелких и средних животноводческих ферм, и внес предложение в присутствии всех (и Мацкевич был): “Освободить от работы министра сельского хозяйства Мацкевича”. Когда Брежнев заключал, то он никак не реагировал на мое предложение. Меня это удивило. На другой день утром звонит: “Ты можешь сейчас ко мне зайти?” Захожу к нему.

— Как понимать твое вчерашнее выступление?

— Как понимать? Как выступал, так и понимайте.

— Так это же против меня. Ты что, не знаешь, что я курирую сельское хозяйство? Какое ты имел право вносить предложение о Мацкевиче? Это моя личная номенклатура.

И после моего выступления отношения стали вот такие: ни в чем не поддерживал, а наоборот, палки в колеса ставил. А потом предложил меня убрать из ЦК. В ноябре или декабре

рять: без одной минуты девять приходит, без одной минуты шесть уходит.

И еще по поводу мстительности. Брежнев говорит: “Кириленко! Это же топор. Я ему никогда не прощу Украину”... Это дословно. Я постеснялся спрашивать, а он не раскрывал, в чем вопрос с Украиной. И он ему не простил, выгнал его. За полтора, что ли, месяца до пленума. Кириленко еще не освобожден, а портрет его перед 7 ноября уже убрали. Мстительный был мужик.

— Ну, а окружение его, помощники какую роль играли?

— Отвратительную роль играл Цуканов. Это был главный его интриган. Он подзуживал, докладывал сплетни и всяких дохлых кошек подбрасывал. Это железно. Второй его помощник по Секретариату — Голиков Виктор. Тот, должен объективно сказать, так как я с ним сталкивался, человек порядочный. А этого Цуканова Брежнев взял из Днепропетровска. Это два главных помощника. Были у него две стенографистки. Обе блондинки, он с ними имел теплые отношения. Это все знали. Он, по-моему, даже и не старался скрывать. Они ему тоже иногда кое-что подбрасывали.

— А из членов Политбюро на кого он опирался?

— Ну, немало было вокруг него всяких, в том числе и достойных людей. Но, знаете, слаб человек. У нас любят подтопить кого-то. Но особым доверием пользовался Черненко. Этого человека он вытянул из Молдавии. Довел до члена Политбюро и каждый год награждал. Так что преданнее трудно себе представить.

Ошибки у партии, безусловно, были. Частично из-за слабости лидеров, частично из-за централизованного руководства. Но партия шла вперед, страна строилась. Успехи были серьезные. Мир уважал нашу державу, во всяком случае прислушивался к нашему слову. Народ все делал своими руками. Займов нам практически не давали, своими силами, как говорят, своим горбом вытянули державу. Откуда деньги брать? Брали из села. Другое дело Англия. Она располагала колониями и за счет рабского труда, ограбления колоний совершила техническую революцию.

Расставаясь с Александром Николаевичем, мы говорили о новой встрече. Но больше встречи, к сожалению, не состоялось. События в стране приобрели бурный характер. И только в апреле 1999 года я увидел на Новодевичьем кладбище скромную плиту из лабрадора с короткой надписью: “Александр Николаевич Шелепин”. И годы рождения и смерти.

Ушел очень энергичный, способный, деловой человек, память о котором, несомненно, сохранится в истории страны.